

ПОНИМАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ ДРУГОГО НАРОДА – ПУТЬ К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ

Н. В. Лучкина, С. А. Мирзоева, И. Ю. Проценко

*Ростовский государственный медицинский университет
Ростов-на-Дону, Россия*

e-mail: luchkina7@mail.ru, samirzoeva@yandex.ru, ir.protsenko@yandex.ru

В статье рассматривается концепт *счастье* в русской, китайской, арабской и англосаксонской культурах. Сравнительный анализ содержания концепта позволяет обнаружить сходство и различие в понимании счастья разными народами. Отсутствие полного совпадения не может служить препятствием для их успешного взаимодействия. Понимание ценностей представителей разных культур может оптимизировать общение между людьми.

Ключевые слова: концепт *счастье*; ценности; аксиологическая национально-языковая картина мира; лингвокультура; общение.

UNDERSTANDING OTHER PEOPLE'S VALUES – A WAY TO INTERACTION

N. V. Luchkina, S. A. Mirzoeva, I. U. Protsenko

*Rostov State Medical University
Rostov-on-Don, Russia*

e-mail: luchkina7@mail.ru, samirzoeva@yandex.ru, ir.protsenko@yandex.ru

The article examines the concept of *happiness* in Russian, Chinese, Arabic and Anglo-Saxon cultures. A comparative analysis of the concept content reveals the similarities and differences in the understanding of happiness among different peoples. Lack of full overlap cannot be a barrier to their successful interaction. Understanding values which belong to different cultures can improve communication between people.

Keywords: concept of happiness; values; axiological national worldview; linguistic culture; communication.

Культурные концепты как мировоззренческие и аксиологические универсалии имеют материальное вербальное выражение, однако, принадлежа к лексическому корпусу разных цивилизационных культур, слова несут свои тайные смыслы, ведомые определенному культурному сообществу и не до конца понятные людям, говорящим на иных языках. Если мы обратимся к разному представлению о таком универсальном общечеловеческом явлении, как *счастье*, то увидим, какого рода глубинные различия содержит концепт *счастья* в менталитете разных народов. Проанализируем представления о счастье у самого многочисленного народа Евразии – китайцев, у славянских народов, говоря прежде всего о русских, у арабов и у англосаксов.

Сравнительным исследованием культурных концептов занимались многие ученые, в числе которых назовем Н. А. Завьялову, защитившую в 2018 году докторскую диссертацию по культурологии на тему «Культурно-коммуникативные формулы как отражение цивилизационных картин мира» [1] и С. Г. Воркачева, автора монографии «Сопоставительная этносемантика телеономных концептов "любовь" и "счастье" (русско-английские параллели)» [2].

Счастье как один из основополагающих концептов в аксиологической национальной языковой картине мира отражает этнический менталитет народа. С. Г. Воркачевым справедливо отмечено, что лингвокультурная специфика телеономных концептов, или духовных универсалий, не очевидна и ее выявление требует специальных исследовательских усилий, «направленных на описание дискурсных реализаций их понятийной, образной и значимостной составляющих» [2, с. 147].

Самым верным подходом для выявления глубинного смысла слова, на наш взгляд, является обращение к его этимологии. Часто, пользуясь родным языком, люди не осознают, откуда появилось то или иное слово. Русское слово *счастье* имеет суффиксально-префиксальное происхождение, обозначающее буквально «хорошая часть, доля» [3], то есть человек мыслится в национальной языковой картине мира как его составляющая, как часть сообщества, в котором он как индивидуальный представитель этого сообщества имеет свою часть. А коль скоро мы говорим о духовных универсалиях, а не только о материальном достатке, то можно говорить об участии и о доле в духовном смысле. Русский человек разделяет участь своего народа, его долю, его судьбу.

«Счастье в славянских языках первоначально означало "благую долю", или "хороший удел", хотя могло пониматься и как "совместное участие"», – пишет в статье «Этимология счастья» А. Михайловский [4, с. 40].

Этимология дает нам представление об истоках значения слова, хотя люди, используя общеупотребительные слова, обычно не задумываются об их происхождении. А. Михайловский приходит к следующему выводу: «Язык хранит в себе память, помнит и думает о себе больше, чем может подумать человек, мнящий себя "носителем языка"» [4, с. 40].

Порой встречаются исследования, подчеркивающие фатализм русского народа, его полагание на судьбу [5]. Считаем, что в большей степени это связано с православной верой русского народа, которую не смогли истребить в годы, когда религия в России находилась под запретом. Однако вера в Бога не означает слепого следования промыслу. Человек проявляет свою активность. Иначе не появилась бы такая по-

словица: «На Бога надейся, а сам не плошай». Здесь скорее можно говорить об оценке мира русскими людьми в целом как месте, полном неожиданностей, о чем писала Анна А. Зализняк: «Ключевая для русской языковой картины мира идея непредсказуемости мира охватывает также и концепт *счастья*» [6, с. 155].

Лю Чаоцзе, аспирант Южно-Уральского государственного университета, и учитель китайского языка Лю Чжэнь провели исследование концепта *счастье* в русской и китайской лингвокультурах и изложили полученные результаты в статье «Сравнительно-сопоставительный анализ концепта "счастье" в китайской и русской лингвокультурах (на основе дефиниций в китайских и русских толковых словарях)» [7]. Авторы статьи справедливо пишут: «Концепт "счастье" – это одна из важнейших категорий сознания, с помощью которой строится концептуальная картина мира народа, именно поэтому он представляет интерес во всем мире» [7, с. 73]. Обращение к авторитетным русским и китайским толковым словарям позволило исследователям обнаружить сходство и различия в представлении о счастье у русского и китайского народов. В статье приводятся доказательства того, что общим у русских и китайцев является представление о счастье как о состоянии наибольшей внутренней удовлетворенности человека условиями своего бытия, об ощущении полноты и осмысленности жизни, осуществления своего человеческого призвания, самореализации. Различия подытожены следующими представлениями у русского и китайского народов: «... а) понятие счастья в китайском языке: 1) выкарабкиваться из беды; спасаться от беды (бедствия); 2) молить о счастье; 3) прекрасное ожидание; б) понятие «счастье» в русском языке: 1) благоденствие и земное блаженство; 2) повезло; 3) доля; 4) судьба» [7, с. 74].

Пытаясь проанализировать, что значит счастье для арабов, мы столкнулись с тем, что в интернете гораздо больше арабских пословиц, поговорок и крылатых слов о несчастье и разного рода невзгодах, нежели о счастье. Попытка с помощью словарей узнать этимологию слова *счастье* в арабском языке также не увенчалась успехом. Поиски привели нас в Ютуб, где в видеоролике «Счастье по-арабски. В чем оно?» [8] преподавательница арабского языка доходчиво объяснила, что счастье счастьем рознь: одно представление о счастье ассоциируется у арабов с неимоверной радостью, ликованием, поэтому это арабское слово может быть переведено как радость и свадьба. Что касается повседневного человеческого счастья *سعادة*, то оно этимологически связано со словами *помощь, поддержка*, то есть человек в арабском мире не мыслит для себя счастья в одиночку, для него – это прежде всего семья, благополучие рода, вовремя оказанная помощь и собственная готовность прийти

на помощь другому человеку. Елена Клевцова, зная блестяще арабский язык, иронизирует, говоря, что не знает, как перевести на арабский язык такие слова, как *самовыражение*, *личностный рост* – то, что является ценным для европейцев [8]. Та арабская пословица о счастье, которую нам удалось найти, «Большого не может быть счастья, чем несчастным приносить счастье» свидетельствует о том, что арабы в большей степени пекутся о помощи ближнему, чем о собственном благополучии.

Старейший арабист В. Э. Шагаль, досконально изучивший арабский мир, писал о том, что на взгляды арабов существенное воздействие оказал и оказывает ислам. Иерархия их ценностей отличается стабильностью. Среди моральных установок, которых стараются придерживаться арабы во всех ситуациях, мы видим прежде всего почтительное отношение к старшим, к родителям, любовь к детям, гостеприимство, скромность, вежливость, терпимость и признание существенных различий между мужчинами и женщинами. Для арабов верность семье и ее традициям при любых обстоятельствах всегда считается приоритетом и счастье немыслимо вне семейного контекста. Характер воспитания детей почти во всех арабских странах идентичен, структура семьи в арабо-исламском мире с течением времени не меняется. Арабы в отличие от европейцев довольно строго сохраняют свои традиции, придерживаются их в жизни, укрепляя тем самым преемственную связь поколений [9].

Совсем иную картину мы наблюдаем в странах Запада, где люди придерживаются мнения, что главным элементом общества является индивидуум, имеющий право на частную жизнь. Сейчас мы встречаем информацию о том, что дети еще до достижения ими совершеннолетия имеют право на половую самоидентификацию, причем речь идет не только о мужском или женском поле, но и о других проявлениях полового своеобразия. Читаем о ювенальной юстиции в странах Запада, распоряжающейся судьбами детей вопреки воле родителей, что совершенно неприемлемо, например, в России. Именно в Америке возникла идеология чайдффри. Свобода от детей позволяет, по мнению сторонников этой концепции, достигнуть лучшего профессионального роста и личностного саморазвития.

Аглосаксонская культура отличается значительной степенью агрессивности в навязывании своих представлений о ценностях другим народам. По всему миру распространяются очные и онлайн-курсы, организуемые теоретические занятия и практические тренинги для достижения человеком собственной самореализации.

И концептуальное представление о счастье в англосаксонской культуре свое. Одной из концептуальных основ Декларации независимости

США стал эвдемонизм, провозглашающий стремление к счастью как одно из основных прав человека.

Что касается лингвистического исследования концепта *счастье* в английском языке, то С. Г. Воркачевым обнаружено, что в английской паремиологии «западный практицизм и заземленность просматриваются в преобладании, по сравнению с русским языком, семантических признаков, связанных с праксеологией счастья – рекомендациями, как быть счастливым [2, с. 149]. Именно эти рекомендации и распространяют по миру иностранные коучи, провозглашая свой взгляд на пути достижения счастья. «Англосаксонский концептуальный фонд является мировым коммуникационным донором, влияние которого на культуры-реципиенты усилено современными каналами коммуникации», – к такому выводу приходит Н. А. Завьялова в своем диссертационном исследовании [1, с. 302].

Однако, проводя сопоставительное исследование культурно-коммуникативных формул у дальневосточной (Китай и Япония), англосаксонской и российской цивилизаций, Н. А. Завьялова стремится показать, что разница культурных кодов при желании не является препятствием для понимания людьми друг друга. Несмотря на впечатление полной несопоставимости мышления и поведения носителей разных языков, взаимопонимание между ними достижимо.

Сравнительный анализ содержания концепта *счастье* в разных культурах позволяет обнаружить сходство и различия в понимании счастья разными народами, однако это не может служить препятствием для их успешного взаимодействия. Понимание ценностей у представителей разных культур может оптимизировать общение между людьми.

Библиографические ссылки

1. Завьялова Н. А. Культурно-коммуникативные формулы как отражение цивилизационных картин мира : дис. ... д-ра культурологии : 24.00.01 / Московский гуманитарный университет. М., 2018. 569 с.
2. Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели) : монография. Волгоград : Перемена, 2003. 164 с.
3. Школьный этимологический словарь русского языка : происхождение слов [Электронный ресурс] / Н. М. Шанский, Т. А. Боброва. М. : Дрофа, 2004. Режим доступа: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/school-etymological-dictionary/index.htm> (дата обращения: 10.05.2022).
4. Михайловский А. Этимология счастья [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2013/01/28/1306127502/Mikhaylovskiy_17-04-2012.pdf (дата обращения: 10.05.2022).
5. Сидорович Д. О., Долгова А. Д. Концепт «счастье» в русском и английском языках [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/207872/1/264-271.pdf> (дата обращения: 10.05.2022).

6. Зализняк Анна А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира : Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Ключевые идеи русской языковой картины мира. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 153–175.

7. Лю Чаоцзе, Лю Чжэнь. Сравнительно-сопоставительный анализ концепта "счастье" в китайской и русской лингвокультурах (на основе дефиниций в китайских и русских толковых словарях) // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2018. № 6 (195). С. 73–76.

8. Видеоролик «Счастье по-арабски. В чем оно?» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=XRNY7RiDSPk> (дата обращения: 10.05.2022).

9. Шагаль В. Э. Арабский мир: пути познания. М : Институт Востоковедения РАН, 2001. 288 с.